

Анри ТРУАЙЯ

Берега Карамазовых

Немало западных писателей посвятили творчеству Достоевского свои эссе, статьи, книги. Среди них Стефан Цвейг, Андре Жид, Андре Моруа. Одной из удачных работ о Достоевском признала книга французского прозаика Анри Труайя. Главу из этой непереводавшейся на русский язык книги публикуем с некоторыми сокращениями.

САТАРИК Карамазов, циничный и развратный шут, прожигает свою жизнь в бессмысленном разгуле. От первой жены у него сын Дмитрий; его нрав необуздан, но он способен как на благородные порывы, так и на отвлеченные рассуждения. От второй жены, истерички кликуши, сын Иван — ум беспокойный, дух мятущийся и разрушительный, герой и мученик отрицания всего и вся. Юного Алешу как будто не коснулось наследственное проклятие... Он — светлячок, вокруг которого, точно черные мухи, вьются остальные персонажи. Есть и четвертый брат — омерзительный Смердяков, сын старика Карамазова и немой полоумной девушки... Этот побочный и больной эпилепсией ребенок — лакей в доме своего отца. Он бессилен, надменен, хитер. Он восхищается Иваном, а Иван раздражается, узнавая в нем карикатуру на самого себя.

Между отцом и четырьмя его сыновьями одна женщина — Грушенька. Они соперничают друг с другом из-за нее. Тем временем Смердяков, считая, что выполняет тайное желание Ивана, убивает старика Карамазова. Но в убийстве обвиняют Дмитрия... Такова эта история.

Двигают ее две проблемы: искушение грехом и вера в Бога — Грушенька и Христос. Одни, как старик Карамазов, одержимы только чувственностью, другие, как старец Зосима, — только верой. Между двумя этими крайностями, искусно смягчая краски, автор располагает души других исполнителей. Смердяков, Дмитрий, Иван, Алеша — разные обличья одного и того же с разных сторон освещаемого индивида, который постепенно освобождается от животного начала... Эти четыре брата одно и то же существо, превращения которого зависят не от места в пространстве, а от расположения во времени. «Все одни и те же ступеньки», — говорит Алеша Дмитрию. — Я на самой низшей, а ты вверх, где-нибудь на тринадцатой... Кто ступил на нижнюю ступеньку, тот все равно непременно вступит и на верхнюю».

НА ЭТОЙ «тринадцатой ступеньке» находится и... Грушенька. ...Один из ее родственников говорит о ней: «Я Грушеньке не могу быть родней, публичной девке». «Скверного поведения женщина», — говорит и старик Карамазов, но добавляет, что она, быть может, «святей» всех монахов монастыря. Алешу более всего поражает в ее лице «детское, простое, душевное выражение». Кто же прав? Все, ибо Грушенька заслуживает всех этих оценок. Грушенька — невинная девушка, потаскуха, животное, святая, соединяет в себе всю сложность и противоречивость женской природы... Женщина чувствует себя тем сильнее, чем полнее в ней неосознанность своей сути. Мужчина — организованный мир. Женщина — незавершенная вселенная. В ней все неожиданно и все ненадежно...

Красота Грушеньки околдовала старика Карамазова. Этот старик — пьяница, скупец, лжец и развратник; — возможно, написанный самими черными красками портрет отца Достоевского. Для прекрасной Грушеньки старик Карамазов всего лишь брызгающий слюной шут. Он завещает ей причитающуюся Дмитрию часть наследства. Он бродит по комнатам, одурев от желания... Но Грушенька не уступает ему, как не уступает и влюбленному в нее Дмитрию. Она смеется и над отцом, и над сыном. Идут дни, и взаимная ненависть мужчин растет...

Идея, владевшая Раскольниковым, лишила его независимости. Женщина, завладевшая Дмитрием и его отцом, превратила их в рабов своих желаний. «Красота —

это страшная и ужасная вещь!» — заявляет Дмитрий. Да, потому что власть красоты над мужчинами равна, а подчас и сильнее, чем власть мысли. Эротическое безумие Карамазовых сродни политическому безумию Бесов... В обоих случаях пренебрежение нравственными законами ведет к разврату и убийству.

«А Митя, — говорит отец, — я раздавлю, как таракана». И Дмитрий говорит об отце: «Я ведь не знаю, не знаю... Может быть, не убью, а может, убью...».

Он шепчет за отцом в страхе, что Грушенька, польстившись на деньги, придет к старику. В одну из ночей слуга Григорий застает Дмитрия в саду. Дмитрий ударяет его медным пестиком по голове и обращается в бегство. Он находит Грушеньку на постоялом дворе: «Началась почти оргия, пир на весь мир». Вино, песни, пляски... Охмелевшая Грушенька признается Дмитрию, что любит его и хочет выйти за него замуж.

Создается впечатление, что приближение катастрофы возбуждает до пароксизма чувства этих сластолюбцев... Верно ведь, что у Достоевского все радости, — если это не радости чисто духовные, радости «края ночи», «конца книги», — кажутся нам удивительно непрочными. Мы знаем, что это блаженство обреченных. С изощренностью палача Достоевский воздвигает счастье своих жертв перед тем, как предать их казни. Он выбирает день самый благополучный, день, озаренный надеждой, и наносит последний удар. Так, Дмитрия приходит арестовать, когда его любовное измучение в разгаре...

НА САМОМ ДЕЛЕ ОТЕЦА Дмитрия убил подлый лакей, незаконопорожденный Смердяков. Какое чудовище для порядочного человека встретить на своем пути существо, воплощающее все то низкое, скрытое, подавленное, глупое, трусливое, что затаилось на дне его души. Вы спокойны, вы в согласии с самим собой. И вдруг перед вами возникает индивид, душа которого сформирована из того, что вы в себе осуждаете. В этом больном рте ваши самые прекрасные слова превращаются в пошлые глупости...

Чтобы угодить Ивану, которого женитба отца лишила бы причитающейся ему доли наследства, Смердяков убивает старика. Он убивает не потому, что Иван прямо просил его об этом. Он убивает из убеждения, что угадал тайные помыслы своего барина.

Смутная надежда, скрывавшаяся в сердце Ивана, вдруг становится чудовищным деянием, и это деяние ужасает его. Из-за Смердякова, совершившего на деле то, что его хозяин совершал в мыслях, Иван виновен уже не в мечте, а в поступке. Смердяков — это слияние мысли и действия. Смердяков — возмездие за духовную безответственность...

Смердяков, отрекшись от общечеловеческой морали, переступив стену, путает свободу и произвол. Он убивает. И этим актом соединяет во зле Ивана Карамазова, утверждающего, что «все позволено», и Дмитрия Карамазова, восклицającego: «За чем живет такой человек?» Иван, невинный перед законом, установленным людьми, судит себя сам. Отвернувшись от Бога, он оказывается лицом к лицу со Смердяковым. Вместо сверхчеловека он обнаруживает обезьяну. Вместо ведущей к свету лестницы — мрачную бездну. Вместо высшего разума — безумие. Этот умный, образованный, одухотворенный человек подвержен галлюцинациям. Он раздваивается. Он видит дьявола. И этот дьявол — он сам.

Иван Карамазов — это сам Достоевский, которого «Бог всю жизнь мучил». Опровержения и богохульства Ивана — опровержения и богохульства самого Достоевского в часы сомнений... И когда Иван Карамазов вопрошает: «Стоит ли высшая гармония слезинки хотя бы одного только замученного ребенка?», разве не сам Достоевский говорит его устами?

В сущности, весьма вероятно, что в глазах Достоевского Иван Карамазов играет ту же роль, что Смердяков в глазах Ивана Карамазова. Для Федора Михайловича Иван — воплощение той части его «Я», которая ему ненавистна. Иван — то, от чего автор сам желал бы очиститься...

НАД ЭТИМИ проклятыми существами возвышаются две светлые фигуры — Але-

ша и старец Зосима. Алеша, младший из братьев Карамазовых, — послушник в тихом, окруженном высокими белыми стенами монастыре. Однако он вовсе не мистик в полном смысле этого слова. «Алеша, — пишет Достоевский, — был вовсе не фанатик, и по-моему, по крайней мере, даже и не мистик вовсе. Заранее скажу мое полное мнение: был он просто ранний человеколюбец».

«Алеша «реалист», полноценный человек. Природа его доброты не ангелическая, она не предполагает, как у Мышкина, полного неведения зла. Алеше известно зло. Он понимает пороки братьев и отца... Он от мира сего. Его заслуга — в умении преодолеть искушения и победить соблазны».

К тому же и старец Зосима говорит ему: «Мысли о тебе так: изыдишь из стен сих, а в миру пребудешь как иннок. Много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя».

Старец Зосима, как и его прототип Алеша, прежде всего — человек, а потом уже святой. Он жил в миру, где был военным. Он решил стать священником не от отчаяния, но по влечению расудка, а от любви. Доктрина Зосимы — доктрина любви и радости...

Всеобщая симпатия объединяет людей, но и мерзость каждого заражает остальных. Зло не довольствуется преступником и его конкретной жертвой — оно расплывается, как масляное пятно. Мы все виновны, все грешны, мы все несчастны. Мы крадем вместе с вором, которого не знаем в лицо, убиваем вместе с отцеубийцей, о котором читаем в газетах, насилуем вместе со сластолюбцем, проклинаем вместе с богохульником... И однако все мы будем спасены.

Не к расправе суровой жизни, не к монашескому отречению, не к слезливой жалости призывает Зосима верующих. Он требует от них немногочисленного признания своей греховности и любви к ближним... Когда гордец склоняет голову, он ближе к Богу, чем упавший на колени лакей: гордец должен переломить себя, прежде чем поднесет Богу знак человеческого смирения... — лакей бьет поклоны по привычке, не понимая смысла действия, которое совершает.

Зосима и Алеша любят, а этого достаточно, чтобы завоевать доверие простых людей и детей.

ОДНАКО интеллектуалы нападают на эту ясную философию. Иван Карамазов противопоставляет спокойной вере своего брата дьявольскую аргументацию Великого инквизитора. «Легенда о Великом инквизиторе», в том виде, в каком Иван рассказывает ее Алеше, — кульминация романа «Братья Карамазовы» и, вероятно, всего творчества Достоевского. В ней итог его исканий... В ней — последнее слово Достоевского.

В Севилье во времена инквизиции Христос является народу. Его сразу узнают, окружают, молят о чуде. И Иисус совершает чудеса... Тогда Великий инквизитор велит стражникам схватить Спасителя.

Ночью Великий инквизитор приходит в тюрьму, куда по его приказанию брошен Христос. «Зачем же ты пришел нам мешать?» — спрашивается он к нему...

«Он не верит в Бога, раз он отказывается признать Богочеловека: «Да ты и правда не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде». Он не верит в человека, раз утверждает, что христианская доктрина превосходит моральные силы человечества».

«Хочу сделать вас свободными», — сказал Христос. Но, даровав человеку свободу выбора между добром и злом, Иисус возложил на человека ответственность за этот выбор... Он сохранил ему весь арсенал страдания: угрызения совести, искушения грехом и злом, надежда на спасение бесысходно запутываются в его душе...

Таким образом, человек поставлен перед дилеммой: свобода со страданием или счастье без свободы. Что же он выберет?

Великий инквизитор сделал свой выбор. Христос, считая, что, переизлучая силы человеческого существования... Человек слишком слаб для свободного самосознания: «Или ты забыл, что спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла?» Главная цель человека — быть счастливым. Создать его земное счастье — задача церкви. Церковь

больше любит человека, чем Христос...

«Столь уважая его, ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него и потребовал». Эта религия хлеба небесного, такая, как она выражена в Евангелии, по силам лишь немногим избранным. Она — аристократична. Но аристократическая религия невозможна — религия предназначена для масс... Она должна нести утешение глупцам, трусам, порочным, больным. Она должна быть понятна самому последнему из смертных. Она должна быть «вульгарна». Взамен свободы духа, сомнений, душевных мук Великий инквизитор предлагает человеку мир, созданный по законам Евклидовой геометрии. Великий инквизитор разделяет теорию Шингалева, персонажа «Бесов». Он берет на себя попечение о людских нуждах. Он защищает голодных и немощных. Он обещает им не хлеб небесный, а хлеб земной.

Религия хлеба земного — это атеистический социализм Бесов.

Великий инквизитор провозглашает царство посредственного счастья взамен великих порывов духа...

Во имя свободы духа Христос в пустыне отверг первое искушение — искушение «хлебом земным». По мнению Великого инквизитора, это была его первая ошибка.

Вторая ошибка в том, что он возжелал свободно дарованной ему любви человека. Но людям не дано верить по свободному влечению сердца. Человек хочет быть покоренным, повергнутым в трепет, чтобы в нем беспрерывно поддерживали потребность обожать. А Христос позволил распасть себя, как вора, истекать кровью на кресте, умирая на глазах плачущих женщин. Желая, чтобы любовь человека родилась не из чуда, он отдал человека от себя, он его потерял.

Так, второе искушение, искушение авторитетом, дополнилось искушением чудом. Христос отверг эти три искушения — Великий инквизитор их принимает. Он исправляет подвиг Христа: он основывает его на хлебе земном, на авторитете и чуде!

Христианство перестает быть религией элиты и становится религией всех. Из любви к человеку церковь предает Бога. Она пользуется именем Христа для укрепления порядка, но духовного, а социального — она устанавливает «христианский коммунизм». Она низводит сверхъестественное таинство до уровня картинок для причащающихся... Она призывает на помощь все искусства, воздействует на

все чувства, лишь бы околдовать массы. Она разменивает Бога, она предлагает и сбывает его, как товар. ...И люди скорее сожгли бы Христа, чем перестали верить в простые догматы, которые измыслил для них Великий инквизитор. «Они станут... прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке». «Ибо если был кто всех более заслужил наш костер, то это ты», — объясняет инквизитор Христу. — Завтра сожгу тебя».

Вместо ответа Христос приближается к старику и целует его в бескровные уста. Тот вздрагивает, идет к двери, отвергает ее и говорит ему: «Ступай и не приходи более... не приходии вовсе... никогда, никогда».

Пленик уходит. Любопытно отметить, что обличение отрыва церкви от религии исходит от атеиста Ивана. То есть он бунтует не против Христа, а против церкви и тем самым невольно защищает от атеизма истинную веру. Он лучше любого верующего схватывает высшую красоту морали Христа: призыв к бескорыстной любви.

«Вся история церкви — это борьба с искушением свободного духа, как не сообразного натуре человека. И однако главная тайна Христа есть тайна свободы. Божественная истина — распятая, униженная, растерзанная, гноящаяся, оплеванная — не навязывает человеку веру в нее. Человек верит не из-за «этого», а несмотря на «это». Именно к такой вере — свободной, не объяснимой рассудком, не оправданной логикой — и призывает нас Достоевский.

ЭТО НЕОБЪЯТНОЕ прозрение — итог не только идейных, но и художественных исканий автора. Ни в одном романе реальное не граничит так с фантастическим, как в «Братьях Карамазовых». Достоевский старается подчинить законам искусства эту историю, проиходящую вне пространства и времени, не управляемую законами причинности и противоречий. Он хочет бесспорно сделать приемлемым для обыденного сознания... Он хочет пробудить в людях интерес к тому, каковы они на самом деле.

Достоевский не выбирает между реальным и фантастическим. Он курсирует между двумя берегами, не приставая ни к одному. Он охватывает несовместимое. Он потратил сорок лет труда, чтобы заставить публику признать свое гибридное искусство. Что за важность? «Братьями Карамазовыми» он выиграл партию!

Публикация и перевод с французского Н. УНАНЯНЦ.

«Сон — ворота в другой мир», — полагал Вл. Соловьев. Я внимательно — насколько это возможно — отношусь к снам. Записываю сны. Вот одна из таких записей: монастырь в пещерах, жертвенно-красный цвет (почему-то такой этикет пришел в голову), станки для обработки драгоценных камней, пыльно и заброшенно, причесанно и внезапно, в разгар работы, и все — в полете, все — над, все — в мгновение ока...

ВРЕМЯ, КОГДА УЛЫБАЕТСЯ ЛОТОС

Достоевский и китайские мудрецы

У МЕНЯ неясно, теплое ли сердце и при виде скромного русского пейзажа: купол сельской церкви, березовый колос в осеннем наряде, листья в пруду, и когда я читаю стихи китайских поэтов. Я русский, насквозь русский, но как же притягателен для меня каждый китайский иероглиф, каждая буква тибетского алфавита. Во всем есть свой смысл, и буквы — не только составляющие слов, но и тайные знаки Неба. Я интуитивно чувствую, что я — оттуда, что когда-то я жил в тех краях, которые сегодня так манят меня. Мы все — оттуда. (Даже в языке нашем много слов из древнейшего языка санскрита, как полагают ученые — праязыка).

«Время, когда улыбается лотос» — это буквальный перевод слова «кочень» на тибетском языке. Лотос — сама чистота и нежность являет себя миру во всем величии ночью, при свете луны: «луный свет» по-тибетски буквально переводится как «благоприятствующий лотосу», солнце же — как «враг лотоса». Большинство цветов раскрывается только при солнечном свете, а самый чистый и нежный цветок — ночью, почему, в чем смысл ночи, тьмы, темного, безобразного, грязного, всего, что у нас со знаком минус, а значит, и страдания. «Солнца нет без тени и необходимо познать ночь» — это слова А. Камю, французского писателя и философа, который, как и многие писатели на Западе, немало думал и писал о Достоевском. Федор Михайлович «познал»

ночь на эшафоте на Семеновском плацу, когда на петербургского литератора надели черный мешок, и смерть уже было коснулась его своим леденящим крылом. Но казнь отменили...

Некоторые страницы «Записок из подполья» суть иллюстрации к главам древних китайских трактатов «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы», которые, как известно, написаны еще до нашей эры... «Да-с, умный человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель, существо по преимуществу отрицательным». «...прямой, законный, непосредственный плод сознания — это инерция, то есть сознательное сложаруки-сиденье», — говорит автор записок, он же — Федор Достоевский. А вот выписки из «Дао дэ цзин»: «...совершенномуудел, совершая дело, предпочитает недеяние», «...дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, что бы оно не делало», «...овладение Поднебесной всегда осуществляется посредством недеяния». К слову, та же мысль звучит в стихотворении Бабзюй: «Днем лежу в постели: «...Кто знает о том, что весь день я лежу? Я вовсе не болен, и спать мне не хочется тоже». (Ну не иллюстрация ли к Гончаровскому «Облому»?)

Так что же за штука такая — недеяние (у древних китайцев, обломовщина (у Гончарова), толстовское непротивление, сложаруки-сиденье у Достоевского? Почему философы, разделенные многими веками (а есть ли оно — это разделение? В «Чжуан-цзы» сказано: «Настоящее и прошлое — это одно и то же»), так настойчиво призывают человечество встать на путь недеяния?

ЕЩЕ несколько соответствий из романа писателя-философа XIX века и китайских трактатов. «Я бы все на свете обратил в прекрасное и высокое тогда, в гадчайшей бесспорной дряни отыскал бы прекрасное и высокое». («Записки из подполья»). «Это были те, которые, соблюдая спокойствие, умели грязное сделать чистым» («Дао дэ цзин»). «Я человек больной... Я не лечусь и никогда не лечился...» («Записки из подполья»). «Кто будучи больным, считает себя больным, тот не является больным. Совершенно мудрый не болен» («Дао дэ цзин»).

Ищущий смысл из всего извлекает пользу — как из радости, так и из страдания, даже болезнь для него становится — как это ни парадоксально — радостью, наслаждением: «...горечь обращалась, наконец, в какую-то позорную, проклятую сладость и, наконец, в решительное серьезное наслаждение»; болезнь для него — это как бы повод взглянуть на себя со стороны, «с ехидством», «У меня целый месяц болели зубы... Тут, конечно, не молча злятся, а стонут, но это стоны не откровенные, это стоны с ехидством, а в ехидстве-то и вся штука», «...захочет кто-то, и перестанут болеть ваши зубы». В трактате «Чжуан-цзы» рассказывается, как один мудрец навелит другого во время болезни, и больной встретил его не стоном и вздохом, а словами: «Это грандиозно! Вот так творец всех вещей скрутил меня судорогой!» Ког-

да гость спросил его, нравится ему это или нет, тот ответил: «Почему это мне должно не нравиться?» (Интересно, что и Достоевский, и китайский философ признают наличие какой-то неизвестной им силы: у Достоевского — «кто-то», у древнего мудреца — «творец всех вещей»).

Все, что есть, есть — этим правилом — единственным для достижения Истины — пользовались и мудрецы Китая и русский писатель, ибо «плод сознания — это инерция», это естественность, приятие всего во внешнем мире и внутри себя. Ни с чем не боритесь («небесное дао не борется, но умеет побеждать»), пусть все идет так, как идет, значит, так, а не иначе следует ему идти. Потому и мудра сказочная Варвара-краса, что у нее длинная коса. Потому все сказочные мудрецы бородатые, вся волшебная их сила — в бороде, отрежь бороду — и пропадет эта сила, окажешь сопротивление естественному ходу вещей и наткнешься на стену, станешь думать, что вот стена, за которой ничего, а стены-то нет, надо это понять, и увидишь бесконечность, и дорога сама под ноги ляжет.

«Что же собственно до меня касается, то я ведь только доводил в моей жизни до крайности то, что все вы не осмеливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразумие», — пишет Достоевский, Так вот в чем суть недеяния — довести «до крайности», до окраины, до черты, до границы. А быть на границе чего-либо, значит, быть одновременно и там, откуда идешь, и там, куда идешь. Тогда — что же! Тогда возможно «рассмотреть абстрактные образованные причудливые формы» (Камю). Быть на границе — это значит видеть, хотя и в тумане, хотя и неполно, словено в щелку — происходящее там — за пограничной полосой, за чертой. Но для того, чтобы быть на границе, необходимы мужество, терпение, смирение, приятие, впрочем, все это замечательно вмещается в понятие недеяния, не принимать «трусость свою за благоразумие», не бояться, а иметь мужество верить, ибо, как сказано в Евангелии, Петр не смог идти по воде, как Христос, когда усомнился в словах Господа (образ идущего по воде Христа не есть ли иллюстрация к мысли «быть на границе», выходит, чтобы быть на границе, надо прежде всего верить, аналогичен образ Бегущей по волнам у Грина), тогда «сквозь зияющие трещины человеческого разума видна бывает лазурь вечности» (П. Флоренский), видны «трещины в позолоте» (А. Грин).

...ЛОТОС улыбается ночью. Вечное знание, ради которого человек приходит в этот мир, постигается в ночи сердца, в его страданиях, которое, по Достоевскому, «единственная причина сознания». Быть на границе — это и значит — духовно родиться, обрести просветление. Обретает его не каждый, но придет время, когда все человечество обретет его.

А. ФУРСОВ.

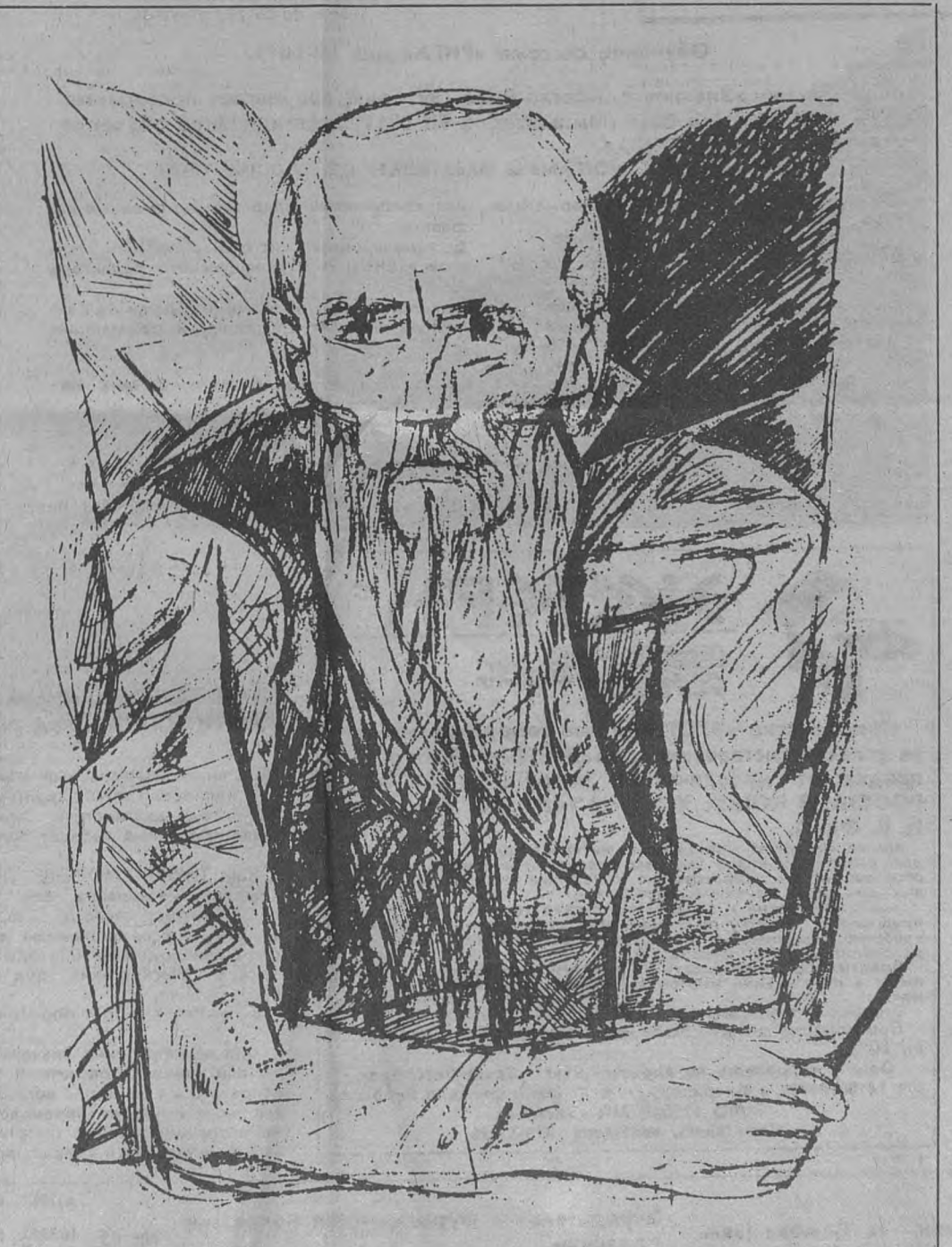

Рис. В. ГОРЯЕВА.